

Н. Н. Павлюченков

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ В 1920-е гг.: АПОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОСТИ И ИСПОВЕДНИЧЕСТВО

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности жизни и трудов священника Павла Флоренского, которые в первые годы советской власти имели характер церковной апологетики и христианского исповедничества. Особое внимание обращается на малоизвестные подробности совмещения П. Флоренским священнослужения и успешной деятельности в научно-технических учреждениях. Делается главный вывод, что самой своей жизнью П. Флоренский свидетельствовал о невозможности жизни человека и всего мира без Церкви и совершаемых в ней таинств.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, священство, Церковь, исповедничество, апологетика, наука

Для цитирования: Павлюченков Н. Н. Священник Павел Флоренский в 1920-е гг.: апология церковности и исповедничество // Церковь. Богословие. История. 2023. № 4. С. 125–130.

Сведения об авторе: Павлюченков Николай Николаевич — кандидат богословия, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, г. Москва). E-mail: pavl1905@mail.ru

Священник Павел Флоренский по своему рождению и воспитанию был типичным представителем расцерковленного российского общества конца XIX — начала XX вв. В семье, где он вырос, Церковь воспринималась как учреждение, потребное только для тех, кто без религии, сам по себе, не способен понести свою «человечность»¹. Значение религии вообще, и христианской Церкви в частности, с таких позиций не выходит за пределы морально-нравственной сферы, причем задача Церкви сводится к созданию и поддержанию таких — морально-нравственных — «подпорок» только для нуждающейся в этом части человеческого общества. П. А. Флоренский вспоминал, что в семье была создана обстановка «стыдливости» обсуждения и даже упоминания всего, что связано с верой в Бога². Свое личное

¹ Флоренский П., *свящ.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / *сост.: игум. Андроник (Трубачев), М. С. Трубачева, Т. В. Флоренская, П. В. Флоренский; предисл. и комм. игум. Андроника (Трубачева)*. М.: Московский рабочий, 1992. С. 126.

² Там же.

обращение к Церкви П. Флоренский связывал с открытием для себя онтологической «глубины», скрытой за «плоскостью» видимого мира и, очевидно, связанным с этим опытом созерцания скрытого за «оболочками» видимой церковной жизни «святого ядра»³.

Свидетельство молодым П. А. Флоренским своей церковности и выражаемая им письменно готовность бороться со всеми, кто борется с православием⁴ в определенном смысле уже были началом подвига исповедничества — перед любящими и любимыми отцом и матерью, перед московской и петербургской интеллигенцией, в кругу которой он вращался до поступления в Московскую духовную академию в 1904 г. В академии, пытаясь найти пути к воссоединению преподаваемой в духовных школах церковной догматики с живым религиозным опытом, П. А. Флоренский принял во внимание свидетельства, далеко выходящие за пределы церковной традиции (древние языческие мистерии, Каббала, неправославные средневековые мистики и т. п.), и тем самым снискал себе репутацию неортодоксального богослова и модерниста. Но, признавая справедливость большинства из подобных упреков, нельзя не видеть предельной искренности в его убеждениях, приравнивающих «общечеловеческое» к церковному. В христианстве и православии он видел высшее выражение ответа человека на данное ему Божественное Откровение, а в богослужении Православной Церкви обнаруживал преображенные Боговоплощением элементы общей для всего человечества традиции религиозного культа, из которой в древности вышли все области ныне так называемой «светской» человеческой жизни и деятельности.

Именно такого рода убеждения не позволили П. Флоренскому допустить внутреннее смущение и колебания при наступлении тяжелейших испытаний после общественно-политического переворота в России в 1917 г. По-прежнему, как и в первые годы своего воцерковления, он ощущал глубокую святость Церкви, внешне раздираемой человеческими страстями, обновленчеством и самыми

³ Из письма П. А. Флоренского А. Белому 15 июля 1905 г. См.: Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / *сост., подг. текстов и комм. Е. В. Ивановой*. М., 2004. С. 471.

⁴ Из чернового письма П. А. Флоренского Д. Мережковскому, ок. 1905 г. См.: Там же. С. 515.

различными нестроениями. Прот. С. Булгаков в своей известной речи о П. А. Флоренском, сказанной в Париже в 1943 г., говорил, что революционные события в России он как бы вовсе «не заметил», имея при этом в виду видимую ровность его деятельности и нежелание внешне участвовать в каких-либо акциях «сопротивления». «В то время, когда вся страна бредила революцией, — вспоминал прот. С. Н. Булгаков, — а также и в церковных кругах возникали одна за другою, хотя и эфемерные, церковно-политические организации, отец Павел оставался им чужд, — по равнодушию ли своему вообще к земному устройению, или же потому, что голос вечности вообще звучал для него сильнее зовов временности»⁵.

П. А. Флоренский был священником и продолжал служить всякий раз, когда предоставлялась для этого возможность. Он был профессором МДА и продолжал читать лекции, если был для этого удобный случай (например, так были прочитаны им курсы лекций на московских квартирах в 1918–1919 гг.). Он деятельно хотел сохранить Троице-Сергиеву лавру не только как объект культурного наследия (что далеко не для всех после переворота 1917 г. представлялось нужным), но и как действующий монастырь.

Эта внешне действительно ровная и спокойная деятельность П. Флоренского находит свое объяснение в его восприятии революционных событий как попущенного Богом кризиса, который должен, как он писал, очистить духовную атмосферу не только в России, но, возможно, и во всем мире. «Все то, что происходит кругом, — писал он, в частности, А. С. Мамонтовой в июле 1917 г., — для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к святой Руси... Я уверен, что худшее еще *впереди*, а не позади, что кризис еще *не* миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века»⁶.

⁵ Булгаков С. Н. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский: Pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 396.

⁶ Трубачев С. З., Трубачева М. С. Сергиев Посад в жизни Павла Флоренского // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 145.

С таких позиций нужно *ждать* и в затяжной период кризиса спокойно *делать* для будущего то, что каждый может делать на своем месте. И П. Флоренский именно так и поступал, воспринимая советскую власть как временное орудие очистительного кризиса. Не для власти, а для будущего имеющего духовно возродиться общества он начал активно работать в советских научных и образовательных учреждениях, проводить исследования в области электротехники и читать лекции по математике и искусствоведению. П. Флоренский не шел против совести: принимая интеллектуальный заказ от новой власти, он трудился на благо будущего страны и при этом зарабатывал необходимые средства на жизнь семьи.

Из дневниковых записей П. Флоренского, относящихся к началу 1920-х гг., можно узнать некоторые подробности его служения в это время. Так, он сам перечисляет и насчитывает 12 учреждений, где он так или иначе занят (Главэлектро, Высшие государственные художественные мастерские, «секция химотдела», ассоциация инженеров, Московское психологическое общество и др.), к которым добавляется служение в еще не закрытой до Великого поста 1922 г. его церкви в Сергиевом Посаде. Вернувшись однажды из Посады в Москву, пишет он, «я стал в упор обдумывать задачу... о равновесии электричества на параллельных ступенях, расположенных над плоскостью, решил ее, написал о ней, а потом собрал воедино свои заметки о решении интегральных уравнений, о вычислении заряда Солнца»⁷.

В записи, датированной 23 сентября (ст. ст.) 1921 г., можно прочитать: «Сегодня в аудитории № 1 читал доклад „Вычисление градиента на витках обмотки трансформаторов...“ Все это было так поспешно, что у меня осталось впечатление, что никто ничего не понял, и я ничего толком не сказал, а воззрением я был сконфужен. Но, видимо, моя молитва к преп. Сергию, которого я просил помочь мне — не ради моего самолюбия, а ради Церкви, чтобы не смотрели на духовенство презрительно, помогла. После уже мне говорили, будто мое чтение произвело впечатление и „вызвало фурор“. Дай-то, Господи! Мне не нужна слава, она меня и внутренне и внешне толь-

⁷ Дневниковые записи священника Павла Флоренского / *подг. текста игум. Андроника (Трубачева), вступ. ст. и комм. Н. Н. Павлюченкова* // «Философствовать в религии»: мат-лы конф., посвящ. столетию выхода книги «Столп и утверждение истины» о. П. Флоренского / сост. К. М. Антонов. М., 2017. С. 152.

ко стесняет, но ведь в Академию я пошел ради соединения светского «бшест»ва с духовным, желая войти в духовное, как представитель светского, а теперь в рясе я выступаю, желая войти в светское, как представитель «бшест»ва духовного — и потому слава эта есть слава Божия, и я, все что помощью Божией заработаю, повергаю Господу на Его усмотрение, как добычу, как ловитву, ради каковой Господь и посылает меня на делание. С трансформаторами может быть вытащу Господу хоть одну душу!»⁸. А на следующий день: «Подходил инж<енер> NN и, выразив удивление на соединение рясы и математики, сказал, что он послал куда-то корреспонденцию о сем казусе»⁹.

Но то, что становилось «казусом» для одних, для других могло быть (и в реальности было) свидетельством, лучше всякой проповеди или философско-богословской статьи изобличающим ложь насаждаемой веры в несовместимость науки и религии. В своей «Истории русской философии» Н. О. Лосский привел такое свидетельство очевидца: «Первый раз я встретил его (Флоренского. — Н. П.) в 1928 или 1929 г. Тогда в тесном кругу ленинградских инженеров он читал газетную статью, посвященную весьма важному техническому вопросу... На меня произвела глубокое впечатление энергия и уверенность этого стройного человека, его священническое одеяние и та непринужденность, с которой он беседовал с почтенными седовласыми академиками и профессорами...»¹⁰.

Известно, что П. А. Флоренский появлялся в советских научных учреждениях в священническом одеянии по крайней мере до конца 1920-х гг., когда случились его первый арест и кратковременная ссылка в Нижний Новгород. Возвращение из ссылки было связано с тем, что в его знаниях и опыте к тому времени уже нуждались многие научные организации. И можно только догадываться, какие перспективы научной карьеры открывались бы перед ним в случае его демонстративного отказа от священного сана. Подвиг исповедничества и апология церковности особым образом проявились в конце жизни П. Флоренского именно в этом его свидетельстве о невозможности бытия человека и всего мира без Церкви и совершаемых в ней таинств. Самым решительным образом П. Флоренский гово-

⁸ Дневниковые записи священника Павла Флоренского. С. 162–163.

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 229.

рил об этом на лекциях, обращенных к интеллигенции, обманутой идеей безрелигиозного «светлого» будущего, и так же решительно свидетельствовал об этом самой своей жизнью.

Источники и литература

1. Булгаков С. Н. Священник о. Павел Флоренский // П. А. Флоренский: Pro et contra. Антология. СПб., 2001.
2. Дневниковые записи священника Павла Флоренского / подг. текста игум. Андроника (Трубачева), вступ. ст. и комм. Н. Н. Павлюченкова // «Философствовать в религии»: материалы конференции, посвященной столетию выхода книги «Столп и утверждение истины» о. П. Флоренского / сост. К. М. Антонов. М., 2017. С. 140–176.
3. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991.
4. Павел Флоренский и символисты. Опыт литературные. Статьи. Переписка / сост., подг. текстов и комм. Е. В. Ивановой. М., 2004.
5. Трубачев С. З., Трубачева М. С. Сергиев Посад в жизни Павла Флоренского // Ныне и присно. 2006. № 3–4. С. 139–152.
6. Флоренский П., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. М.: Московский рабочий, 1992.

Nikolai N. Pavliuchenkov

Priest Pavel Florensky in 1920: Apology of the Church and Feat of the Faith Confession

Abstract. The article discusses some features of Fr. Pavel Florensky's life and works that in the early years of Soviet power were apologetic in defense of the Church and demonstrated Christian confession. Particular attention is paid to the little-known details of his combination of priesthood and successful activities in scientific and technical institutions. The main conclusion is the idea that the very life of priest Pavel Florensky has become a clear testament to the fact that life of human being and the whole world is impossible without the Church and the sacraments performed in it.

Keywords: *Florensky, priesthood, church, confession, apologetics, science*

For citation: Pavliuchenkov N. N. Sviashchennik Pavel Florenskii v 1920-e gg.: apologiia tserkovnosti i ispovednichestvo [Priest Pavel Florensky in 1920: Apology of the Church and Feat of the Faith Confession]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2023, no. 4, pp. 125–130.

About the author: Pavliuchenkov Nikolai Nikolaevich — PhD (Theology and Philosophy), Senior Research Officer of the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Russia, Moscow). *E-mail:* npavl905@mail.ru